

КРИТОН

Перевод С. А. Жебелева

ВВЕДЕНИЕ

Друг Сократа, Критон, его сверстник и земляк, предлагает ему устроить побег из тюрьмы и старается различными доводами убедить своего приятеля, не отказываться от делаемого ему предложения. Сократ категорически отвергает его. Подробно и всесторонне указывает Сократ Критону, что побег из тюрьмы был бы делом несправедливым, недостойным, безнравственным. В „Критоне“ еще определеннее, чем в „Апологии Сократа“, подчеркивается то положение, что есть только одно благо и одно зло, рассудительность (*φρόνησις*) и безрассудство (*ἄφροσύνη*); что это благо и это зло стоят вне зависимости от людского насилия (44 D); что разумное основание (*λόγος*) является высшим мерилom всякого действия (46 B); что основную целью человеческого существования служит не просто жизнь, но жизнь благая, т. е. справедливая и прекрасная (48 B).

Таковы, в общих чертах, содержание и основная мысль небольшого диалога, просто компонованного и красиво написанного, особенно во второй его части (гл. 11—16), там, где Платон выводит на сцену „Законы“ афинского государства, вступающие в беседу с Сократом. Более, чем вероятно, в основе содержания „Критона“ содержится указание на исторический факт: очень может быть, друзья и ученики Сократа предлагали ему устроить побег из тюрьмы, и, несомненно, Сократом это предложение было категорически отвергнуто. Но так ли все это происходило, как излагается в „Критоне“, этого мы, разумеется, не знаем и не узнаем¹. „Критон“ стоит в теснейшей связи с „Апологией“, которую он определенно имеет в виду (45 B). Но если в „Апологии“ можно признать только „стилизованную правду“ воспроизведения речей Сократа, произнесенных им во время процесса, то в „Критоне“ вряд ли можно усматривать такую же „стилизованную правду“ той беседы, которую Сократ вел с своим другом незадолго до смерти. Говоря коротко, если в „Апологии“ Платон стремился более или менее точно воспроизвести „действительный смысл“ сказанного Сократом на суде, то в „Критоне“ он такой цели себе не ставил, да и не мог ставить, так как при беседе Сократа с Критоном не присутствовал.

¹ Есть известие (Laert. Diog. II, 60. III, 36), что план побега предлагал Сократу не Критон, а другой его ученик, Эсхин. В „Федоне“ (115 D) есть указание, что Критон поручился, будто бы, пред судьями, что Сократ не убежит; из сопоставления этого свидетельства с „Критоном“ некоторые склонны были даже относиться с подозрением о принадлежности диалога Платону.

А если так, то невольно возникает вопрос: какую цель преследовал Платон при составлении „Критона“? Вряд ли Платон имел в виду „Критон“ реабилитировать друзей и учеников Сократа, которых могли упрекать, да, вероятно, и упрекали в том, что они не предприняли достаточно энергичных шагов, чтобы спасти своего учителя от смерти¹. На этот мотив есть указание в диалоге (44 С), но оно сделано мимоходом, и не в нем лежит центр тяжести „Критона“. Основной пункт последнего, бесспорно, составляет та его часть, где выступают на сцену „Законы“; их устами говорит, строго говоря, сам Сократ, выражая в том, что говорят „Законы“, свои мысли и свои убеждения. Убеждения же эти сводятся к тому, что безусловной обязанностью каждого гражданина является повиновение отечественным законам, тому государственному строю и порядку, олицетворением которого законы служат. Неповиновение законам подрывает их, а это влечет за собою и гибель государства. Платон хочет показать, что Сократ до конца своей жизни был послушным сыном своего государства, иными словами, что он был всегда политически лоялен. Если мы вспомним, что в „Апологии Сократа“ о политической благонадежности Сократа почти не говорится; что главное внимание в ней обращено на опровержение обвинений Сократа в нечестивом безбожии и в нравственной порче молодого поколения, то вряд ли можно сомневаться в истинной цели „Критона“: в нем Платон хотел реабилитировать Сократа, как гражданина Афинского государства, опровергнуть те обвинения в политической неблагонадежности Сократа, какие выставлены были против него в памфлете Поликрата (см. введение к „Апологии“)². Таким образом, „Критон“, можно рассматривать как дополнение к „Апологии“. Оба произведения имеют в виду, помимо реабилитации Сократа, и как гражданина и как человека, дать характеристику всей его деятельности в Афинах и для афинян. В этом отношении из всех платоновских произведений, его „Апология“, „Критон“, заключительная часть „Федона“ и речь Алкивиада в „Пире“ являются самыми ценными источниками для восстановления характерных черт жизни и деятельности великого мудреца.

На близкую связь „Критона“ с „Апологией“ давно уже указано. Правда, в „Критоне“ философского материала, особенно в первой части диалога, до выступления „Законов“, больше, чем имеется его в „Апологии“. В „Критоне“ определенно подчеркивается, что значение имеет не мнение большинства, т. е. толпы, но мнение людей рассудительных (47 А), основанное, однако, не столько на знаниях, сколько на истине (48 А). Этический принцип „поступать несправедливо не хорошо и не прекрасно“ (49 А) проводится еще более остро, чем в „Апологии“ (29 В): всякое нарушение справедливости вредно и постыдно для того, кто ее нарушает (49 В).

¹ На такой точке зрения стоит, между прочим, L. Parmentier, *Philologie et linguistique*, Paris 1909, 333 сл.

² Н. Maier, *Sokrates*, 119, полагает, что „Критон“ слишком „мягок“ (zahn), чтобы его можно было считать протестом против памфлета Поликрата, что Платон должен был говорить с софистом в ином тоне. Но сила всякого протеста заключается не в грубости, а в основательности приводимых в нем доводов.

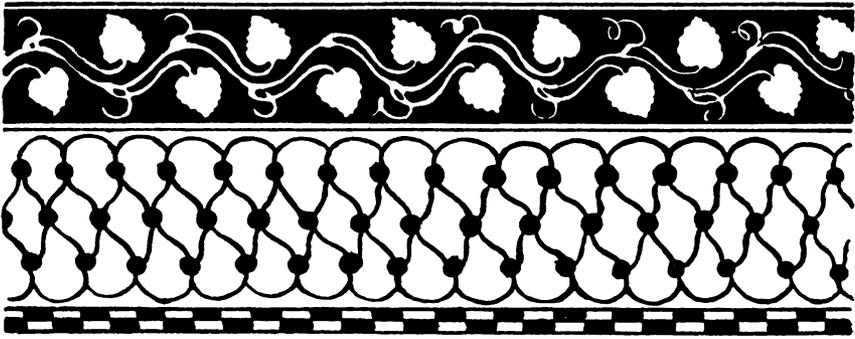
На основании этих и иных соображений некоторые ученые склонны были относить время составления „Критона“ значительно позже „Апологии“¹. Хотели видеть в „Критоне“ как бы преддверие к „Государству“ Платона: в „Критоне“ Платон, будто бы, имел в виду показать, что, хотя он и стремится к радикальному переустройству государственного порядка, сам он не является, однако, нарушителем существующих законов. Помимо того, что доводы в пользу позднего составления „Критона“, с достаточною убедительностью, опровергнуты Редером², стоит только внимательно прочесть „Критона“, чтобы убедиться в том, что самый дух и стиль его ничего общего не имеют с более поздними диалогами Платона; что, напротив, и по духу и по стилю, „Критон“ близко соприкасается с „Апологией“ и преследует, в несколько видоизмененной форме, ту же цель, что и последняя — воскресить образ Сократа, как он запечатлелся в душе его ученика, и обелить его от тех клевет, какие продолжали раздаваться на его счет и после его смерти.

Специальное издание „Критона“, М. Schanz'a, Leipzig (Tauchnitz) 1888. Из имеющихся переводов „Критона“ нужно отметить перевод М. С. Соловьева во II т. „Творений Платона“ Влад. Соловьева; „Рассуждение о Критоне“, приложенное к переводу, принадлежит С. Н. Трубецкому. Мой перевод „Критона“ редактирован Э. Л. Радловым.

С. Жебелев.

¹ Н. Gomperz, Ueber die Abfassungszeit des platonischen Kriton в Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik, СІХ. 176 сл., помещает „Критона“ между „Федоном„ и „Государством“. См. также Th. Gomperz, Griechische Denker, II, 358 сл. С. Н. Трубецкой в указываемой ниже статье.

² Н. Raeder, Platons philosophische Entwicklung, 100 сл.

Сократ. Чего ты так рано пришел, Критон? Или уже не 43
рано?

Критон. Очень рано.

Сократ. А как?

Критон. Раннее утро.

Сократ. Удивляюсь, как тюремный сторож согласился отворить тебе.

Критон. Мы с ним приятели, Сократ. Я ведь часто бываю здесь; да, кроме того, я и задобрил его.

Сократ. А пришел-то ты только что, или давно?

Критон. Давненько.

Сократ. Так что же ты сразу не разбудил меня, а сидел в 6
возле и молчал?

Критон. Клянусь Зевсом, Сократ, я не пожелал бы сам быть в такой беде, [как ты], да еще при этом не спать. А на тебя я давно с удивлением смотрю, как ты сладко спишь. Я нарочно и не будил тебя, чтобы время шло для тебя как можно приятнее. Часто и в прежнее время, в продолжение всей твоей жизни, я прославлял тебя за твой нрав, но в особенности прославляю теперь, в разразившемся теперь несчастье: как ты легко и кротко его переносишь.

Сократ. Да, ведь, было бы бессмысленно, Критон, такому старику, негодовать на то что приходится умирать.

Критон. И другие, такие же старики, попадают в подобную же с
беду, и, однако, возраст нисколько не мешает им негодовать на свою судьбу.

Сократ. Бывает. Но почему ты пришел так рано?

Критон. С тягостною вестью, Сократ, пришел я, не для тебя, как мне сдается, а для себя и всех твоих близких, с печальною, тяжелою вестью, которую, как мне кажется, перенести очень трудно.

Сократ. Что за весть? Уже не прибыл ли с Делоса тот D корабль, с приходом которого я должен буду умереть¹?

Критон. Корабль-то еще не прибыл, но, думается мне, придет сегодня, судя по словам людей, прибывших с Суния² и оставивших его там. Отсюда ясно, что корабль придет сегодня, и, значит, завтра Сократ, тебе придется окончить свою жизнь.

2

Сократ. И в добрый час, Критон! Если так угодно богам, то пусть так и будет. Только, по моему, корабль сегодня не придет.

44 Критон. Откуда ты это заключаешь?

Сократ. Скажу тебе. Мне ведь следует умереть на следующий день, после того, как придет корабль?

Критон. Так, по крайней мере, говорят лица, власть имущие³.

Сократ. В таком случае, думаю я, корабль придет не сегодня, а на следующий день. Заключаю же я это на основании одного сна, который видел незадолго, в сегодняшнюю ночь. И, повидимому, вышло кстати, что ты не разбудил меня.

Критон. Что это был за сон?

Сократ. Приснилось мне, будто подошла ко мне какая-то B женщина, прекрасная, благовидная, в белом одеянии, окликнула меня и сказала: „Сократ, в третий отныне ты день в плодородную Фтию прибудешь⁴“.

Критон. Станный сон, Сократ!

Сократ. Зато понятный, как мне кажется, Критон.

3

Критон. Слишком даже, как будто, понятный. Но, дорогой Сократ говорю тебе еще раз: послушайся меня, не отказывайся от своего спасения! Ведь для меня, если ты умрешь, не только одна эта беда будет. Помимо того, что я лишусь такого близ-

кого мне человека, какого мне никогда не найти, многим из тех, которые не знают о наших дружеских отношениях, покажется, что я мог бы спасти тебя, если бы захотел потратиться на это, С но что я не подумал об этом. А что может быть позорнее той молвы, когда о нас думают, будто мы деньги ставим выше друзей? Ведь большинство-то не поверит, что ты сам не пожелал уйти отсюда, несмотря на все наши старания.

Сократ. А к чему нам, милый Критон, так сильно заботиться о том, что́ думает большинство? Порядочные люди, с которыми более стоит считаться, подумают, что все это произошло так, как должно было произойти.

Критон. Но, ведь, ты видишь, Сократ, что приходится D считаться и с мнением большинства. То, что́ теперь произошло, показывает ясно, что большинство в состоянии причинить не какое-нибудь небольшое зло, а зло огромных размеров, тому, кто в глазах большинства оклеветан.

Сократ. О если бы, Критон, большинство в состоянии было причинять величайшее зло с тем, чтобы оно было в состоянии оказывать и величайшее добро! Как это было бы хорошо! А теперь оно не в состоянии делать ни того, ни другого: оно не может сделать человека ни рассудительным, ни нерассудительным, а поступает, как попало.

4

Критон. Допустим, что это так! Но вот что скажи мне, E Сократ: уже не боишься ли ты за меня и за других, тебе близких, что в случае, если ты скроешься отсюда, сикофанты надеются потерять либо все наше имущество, либо большие деньги, либо еще сверх того как-либо пострадать. Если тебя пугает что-либо подобное, оставь это: мы поступим только справедливо, 45 если, спасши тебя, подвергнемся этой опасности, а если нужно, то еще и большей. Послушайся меня! Не отказывайся!

Сократ. Да, Критон, и этого я опасуюсь, и еще многого другого.

Критон. Этого-то уже ты не бойся! Да и немного денег просят за то, чтобы спасти тебя и увести отсюда. А затем, разве

ты не знаешь этих сикофантов — какой это дешевый народ, как немного нужно для них денег? Мои деньги в твоём распоряжении, **В** и их, думаю я, достаточно. А затем, если ты, заботясь обо мне, полагаешь, будто не следует тратить моих денег, то иноземцы, что здесь, готовы потратить их. Один из них даже и привез сюда для этой цели достаточно денег — Симмий фиванец; готов и Кебет и очень много других⁵. Так что, повторяю, не бойся этого и не отказывайся от своего спасения. Не смущайся также и тем, о чем ты говорил на суде, будто ты, уйдя из Афин, не будешь знать, что с собою делать⁶. **С** Ведь во многих других местах, куда бы ты ни пришел, тебя будут любить. Захочешь отправиться в Фессалию, так там у меня есть друзья, которые будут тебя высоко ценить и безопасность тебе доставят, так что в Фессалии ни от кого не будет тебе огорчения.

5

К тому же, Сократ, мне кажется, и затеваешь ты не правое дело — предать себя, хотя можно спастись, и стремишься совершить над собой то, к чему будут стремиться твои недруги и о чем они уже старались, желая погубить тебя. Сверх того, на мой взгляд, ты предаешь и своих сыновей: хотя в твоей власти их **Д** и вскормить и воспитать, ты теперь бросаешь их на произвол судьбы; и ты будешь виноват, если они будут делать что придется. А придется им, как то и естественно, испытывать то, что обыкновенно бывает с сиротами в их сиротской доле. В самом деле: или уже не нужно обзаводиться детьми, или вместе с ними страдать до конца — кормить их, воспитывать. А ты, по моему, выбираешь самое легкомысленное. Следует же тебе выбирать то, что выбирает человек хороший и мужественный, в особенности, когда он говорит, что всю жизнь заботился о добродетели. Мне, по крайней мере, стыдно и за тебя, и за нас, **Е** твоих близких, — как бы не подумали, что все случившееся с тобою произошло по какому-то отсутствию мужества с нашей стороны: и то, что дело дошло до суда, и как оно дошло, хотя могло и не дойти, и самый судебный процесс, как он происходил, и весь этот конец, точно насмешка над всем делом — как будто

все это ускользнуло от нашего внимания по нашей негодности и отсутствию мужества, так как мы не спасли тебя, а ты не спас себя, хотя это было возможно, если бы в нас был хоть малый прок. На все это, Сократ, ты обрати свое внимание, как бы для нас с тобою вместе с бедой не вышло и позора. Сообрази-ка все это; впрочем, и соображать то больше времени нет, а пора со всеми соображениями покончить! Соображение может быть лишь одно: в ближайшую ночь все это должно быть сделано; а если мы еще будем ждать, то это уже окажется совершенно невозможным. Сократ, как бы то ни было, послушайся меня! Никоим образом не отказывайся!

6

Сократ. Дорогой Критон, твое усердие стоило бы многого, если бы оно проистекало из правильного основания; в противном случае, чем твое усердие больше, тем оно тяжелее. Поэтому нам следует обсудить, нужно ли так поступить, [как ты советуешь], или не нужно. Я не теперь только, а и всегда таков: из всего, что мне свойственно, хочу повиноваться лишь тому доводу, который, по моему разумению, оказывается наилучшим. Те доводы, которые я развивал прежде, я не могу откинуть теперь, после того, как стряслась со мною эта беда. Нет, эти доводы кажутся мне почти такими же, [какими я считал их ранее], и я почитаю и уважаю их так же, как и прежде. Если мы в настоящее время не сможем привести лучших доводов, будь уверен, я с тобою не соглашусь, даже если бы сила, опирающаяся на большинство, стала пугать нас, словно детей, еще больше, чем теперь, когда она насылает на нас оковы, смерть, лишение имущества.

Как же нам рассмотреть все дело возможно правильнее? Не рассмотреть ли сначала тот довод, который ты приводишь — насчет мнений, и посмотреть, хорошо ли, или не хорошо мы неоднократно говаривали, что на одни мнения нужно обращать внимание, на другие — не нужно? Или прежде, когда мне не нужно было умирать, это хорошо было говорено, а теперь обнаружилось, что это мы говорили так себе, ради красного словца, что

на самом-то деле, все это была пустая, болтовня? Я, Критон, горю желанием рассмотреть вместе с тобою: окажутся ли мои доводы иными, после того, как я попал в теперешнее положение, или же теми же; простимся ли мы с ними, или послушаемся их.

Люди, думающие, что они говорят дело, говорили приблизительно то же, что я только что сказал: из мнений, какие существуют у людей, одни следует высоко ставить, другие нет. Ради богов, Критон, разве, по твоему, это не хорошо было сказано? Ведь тебе, судя по-человечески, не предстоит завтра умереть, и у тебя нет несчастья, которое могло бы сбивать тебя с толку. Итак, рассмотри, правильно ли, по твоему, 47 говорится, что не все мнения людей следует почитать, но одни почитать, другие — нет, и не всех людей, но одних да, других — нет? Что ты скажешь? Разве это не так?

Критон. Так.

Сократ. Значит, честные мнения почитать, дурные — нет?

Критон. Да.

Сократ. А честные мнения — мнения людей рассудительных, дурные — бесрассудных?

Критон. Не иначе.

7

Сократ. Хорошо! А как мы рассуждаем в таком вопросе: тот, кто занимается гимнастическими упражнениями, обращает 8 внимание на похвалу, порицание и мнение всякого человека, или исключительно одного того, кто является врачом, или педотрибом?

Критон. Только его одного.

Сократ. Так что и бояться порицаний и радоваться похвалам следует одного только этого человека, а не большинства людей?

Критон. Очевидно.

Сократ. Следовательно, и заниматься гимнастическими упражнениями, и есть, и пить следует так, как это сочтет нужным один человек, а именно тот, который к этому делу приставлен и понимает его в большей степени, чем это сочтут нужным все остальные.

Критон. Да, это так.

Сократ. Хорошо! А если он не послушается этого одного ^с и не будет считаться с его мнением и похвалами, а будет считаться с большинством, т. е. с мнением людей, ничего в этом не понимающих, не потерпит ли он от этого какого-либо зла?

Критон. Еще бы не потерпеть!

Сократ. Что же это за зло? Чего оно касается? Чего именно принадлежащего ослушнику?

Критон. Ясно, что—тела. Ведь зло разрушает именно тело.

Сократ. Прекрасно ты говоришь! Не так ли, Критон, и во всем остальном, чтобы не перечислять всех случаев? И относительно справедливого и несправедливого, и относительно постыдного и прекрасного, и относительно доброго и злого, и относительно того, о чем мы теперь совещаемся, должны ли мы следовать мнению большинства и бояться этого мнения, или ^д же мнения одного человека, если это человек понимающий, которого нужно и стыдиться и бояться более, чем всех остальных, вместе взятых? Если мы не последуем за ним, мы уничтожим и испортим то, что от справедливости становится лучшим, от несправедливости погибает. Или это не так?

Критон. Думаю, Сократ, что так.

8

Сократ. Хорошо! А если мы, последуем мнению людей не понимающих и погубим то, что, будучи здоровым, становится лучше, а будучи болезненным,—разрушается, то будет ли стоить нам жить, коль скоро оно будет разрушено?—Я имею в виду ^е тело. Или не стоит?

Критон. Не стоит.

Сократ. А стоит ли нам жить с негодным и разрушенным телом?

Критон. никоим образом не стоит.

Сократ. А стоит ли нам жить, когда разрушено то, что несправедливость портит, и чему справедливость приносит пользу? Или мы считаем менее важным, в сравнении с телом, то,—чем бы оно для нас ни было,—к чему относится несправедли- ⁴⁸ вость и справедливость?

Критон. Ни в каком случае.

Сократ. Напротив, мы ставим его выше.

Критон. Куда выше!

Сократ. Следовательно, милейший, не так-то уже следует заботиться нам о том, что о нас скажет большинство, а о том, что скажет человек понимающий справедливое и несправедливое — он один, да сама истина. Таким образом, в твоём утверждении неправильно, прежде всего, то, что ты говоришь, будто мы должны заботиться о мнении большинства касательно справедливого, прекрасного, благого и того, что противоположно всему этому. „Да“, скажут нам: „но ведь большинство-то способно нас убивать“.

В Критон. Это тоже ясно — так говорить будут, Сократ. Правду ты говоришь.

Сократ. Но, любезнейший, то рассуждение, которое мы произвели, сдаётся мне, сходно с прежним. Рассуди опять вот о чём: остаётся ли у нас в силе, или не остаётся то утверждение, что выше всего нужно ставить не то, чтобы жить, но чтобы хорошо жить.

Критон. Конечно, остаётся.

Сократ. А остаётся ли в силе, или не остаётся то утверждение, что понятия „хорошо“, „прекрасно“, „справедливо“ — тождественны.

Критон. Остаётся.

9

Сократ. Так вот, на основании того, в чём мы согласны, и надлежит рассмотреть: будет ли справедливо, если я попытаюсь уйти отсюда, без дозволения афинян, или это будет несправедливо.

С И если окажется, что это справедливо, — попытаемся сделать это; в противном случае, — оставим все попытки. Что же касается твоих рассуждений, Критон, насчёт траты денег, общественного мнения, воспитания детей, то, говоря по правде, не соображения ли это тех лиц, которые, с легким сердцем и убивают и — если бы они способны были на это — воскрешают, так, без всякого смысла, т. е. соображения большинства? Нам же, коль скоро рассуждение наше приняло такое направление, следует

сообразоваться только с тем, о чем мы только что говорили, — справедливо ли мы поступим, если будем платить деньги и воздавать благодарность тем, которые меня отсюда выведут, если мы будем сами выводить и сами выходить, или же, поступая так, мы поступаем несправедливо и нарушаем истину? И если окажется, что мы творим тут несправедливость, то нечего принимать в расчет, что нам придется, оставаясь здесь и никаких шагов не предпринимая, умереть или претерпеть что-либо иное — лишь бы не поступать несправедливо.

Критон. Говоришь-то ты, по моему, прекрасно, Сократ; только посмотри, что нам следует делать.

Сократ. Разберем это, добрейший, сообщая, и если у тебя найдется, что возразить на мои слова, возражай, и я тебя послушаюсь. В противном случае, перестань уже, дорогой мой, повторять мне одно и то же — что я должен уйти отсюда, против воли афинян. Я, во всяком случае, очень дорожу тем, чтобы мне сделать это, послушавшись тебя, а не против твоей воли. Обрати внимание на начало исследования! Если оно покажется тебе удовлетворительным, то постарайся отвечать на мои вопросы по всей силе своего разумения.

Критон. Постараюсь.

10

Сократ. Утверждаем ли мы, что ни в каком случае добровольно не следует поступать несправедливо? Или в одном случае следует поступать несправедливо, в другом — не следует? Или же как бы то ни было поступать несправедливо является делом ни хорошим, ни прекрасным, как мы неоднократно соглашались насчет этого в прежнее время? Или все наши прежние соглашения в эти несколько дней утратились, и оказывается, что мы, Критон, будучи уже такими стариками, в серьезных беседах наших, забыв самих себя, ничем не отличаемся от детей? Или же, напротив, дело скорее обстоит так, как мы и тогда говорили: утверждает ли большинство, или не утверждает, придется ли нам испытать еще более тягостное или более легкое, чем то, [что мы испытываем теперь] — все равно, посту-

пять несправедливо для поступающего несправедливо есть, во всяком случае, зло и позор? Утверждаем мы это, или нет?

Критон. Утверждаем.

Сократ. Значит, ни в каком случае не следует поступать несправедливо.

Критон. Конечно, нет.

Сократ. Значит, вопреки мнению большинства, не следует и воздавать несправедливостью за несправедливый поступок, так как никоим образом не следует поступать несправедливо.

С Критон. Очевидно, не следует.

Сократ. Так. Следует делать зло, Критон, или не следует?

Критон. Разумеется, не следует, Сократ.

Сократ. Так. Воздавать злом за зло, как утверждает большинство, справедливо или несправедливо?

Критон. Конечно, несправедливо.

Сократ. Потому, что поступать с людьми дурно и поступать несправедливо — в этом, ведь, никакого различия нет.

Критон. Правду ты говоришь.

Сократ. Следовательно, не должно ни воздавать [за несправедливость] несправедливостью, ни делать зло кому-либо из людей, даже если в чем придется и потерпеть от них. Смотри, D Критон, как бы, соглашаясь с этим, ты не оказался в разногласии со своим мнением! Я, ведь, знаю, что так думают и будут думать только немногие. А когда одни думают так, другие иначе, совместного обсуждения у людей не бывает, и, неизбежно, люди относятся друг к другу с презрением, считаясь с образом мыслей каждого. Так, вот, и ты хорошенько взвесь это: согласен ли ты со мною, одного ли ты со мною мнения, можем ли мы начать наше совещание, исходя из того, что никогда не может быть правильным ни поступать несправедливо, ни воздавать [за несправедливость] несправедливостью, ни платить злом [за претерпеваемое зло]? Или ты отступаешься от этого и не согласен начать с этого? Я-то, ведь, уже давно держусь этих мыслей, а

E также и теперь, а если ты иного мнения, то выскажи его и поучай меня. Если же ты остаешься при прежних мыслях, тогда слушай дальше.

Критон. Да я остаюсь при прежних мыслях; они те же, что и твои. Продолжай!

Сократ. После этого, конечно, я скажу или, скорее, спрошу: если признавать что-либо справедливым, следует это исполнять, или же уклоняться?

Критон. Следует исполнять.

11

Сократ. Итак, будь внимателен! Если мы уйдем отсюда, без согласия государства, причиним мы этим кому-нибудь зло, ⁵⁰ и именно тем, кому [причинить его] менее всего следует, или не причиним? И останемся ли мы при том, что признали справедливым, или не останемся?

Критон. Я не могу, Сократ, ответить на твой вопрос: я его не понимаю.

Сократ. Рассмотрим его так: если бы в то время, когда мы собирались отсюда убежать, или как бы это ни называть, сюда пришли законы и все государство, подошли бы к нам и задали вопрос: „А скажи-ка мне, Сократ, что ты задумал совершить? Не замыслил ли ты тем делом, к которому приступаешь, погубить нас, законы, и все государство, поскольку это ^В от тебя зависит? Или, ты думаешь, может еще существовать не ниспровергнутым то государство, в котором состоявшиеся судебные решения не имеют более никакой силы, но в котором частные лица делают их недействительными и уничтожают их“? Что мы скажем, Критон, на это и тому подобное? Ведь многое может сказать всякий, в том числе, в особенности, оратор ⁸, в защиту того закона, который мы губим и который повелевает, чтобы вынесенные судебные решения оставались в силе? Или мы возразим законам, что государство поступило с нами не- ^Ссправедливо и постановило неправильное решение? Это мы скажем, или что еще?

Критон. Клянусь Зевсом, Сократ, именно это!

12

Сократ. Что же если законы скажут нам на это: „Сократ, разве не было у нас с тобою условия — оставаться при тех судебных решениях, которые выносит государство?“ А если бы мы

пришли в удивление от этих слов, законы, пожалуй, сказали бы: „Сократ, не удивляйся тому, что мы говорим, а отвечай: ты, ведь, привык прибегать к вопросам и ответам⁹. Скажи-ка, в чем обвиняешь ты нас и государство, ради чего стремишься нас погубить. Прежде всего, не мы ли породили тебя, ни с нашей ли санкции твой отец взял замуж мать твою и произвел тебя на свет? Скажи: упрекаешь ли ты те из наших законов, которые относятся к браку в том, что они не хороши“? „Нет, не упрекаю“, ответил бы я. „Но может быть, ты упрекаешь те законы, которые относятся к воспитанию и образованию родившихся на свет [детей, к тому образованию], какое ты и сам получил? Разве не хорошо распорядились те законы, которые предназначены для этого и которые повелевают твоему отцу давать тебе мусическое и гимнастическое образование¹⁰?“ „Хорошо“, сказал бы я. „Прекрасно! После того, как ты родился, получил воспитание и образование, можешь ли ты, прежде всего, отрицать, что ты наше порождение и наш раб, сам ты и твои предки? Если это так, неужели ты думаешь, что ты имеешь право равняться с нами, и что в том, как мы собираемся поступить с тобою, ты находишь справедливым нам противодействовать? Или, ты думаешь, что если бы у тебя был отец и господин, ты по отношению к ним не считал бы себя равноправным, так что, если бы ты потерпел от них что-либо, то не мог бы им в этом оказывать противодействие, ни отвечать на брань бранью, ни побоями на побои, и многое тому подобное. А с отечеством и с законами тебе дозволено будет все это, так что если мы, находя это справедливым, собираемся тебя погубить, то и ты собираешься, нас, законы, и отечество [также, с своей стороны,] погубить, насколько то в силах, и, поступая так, будешь утверждать, что поступаешь справедливо, ты, который, поистине, заботишься о добродетели? Или ты уже настолько мудр, что не замечаешь, что отечество ценнее и отца, и матери, и прочих предков; что оно более почтенно, более свято, имеет большее значение и у богов, и у имеющих разум людей; что его, когда оно гневается, следует почитать, ему подчиняться, ему угождать более, чем отцу; [что нужно либо отечество] вразумлять, либо исполнять то, что оно повелевает; [что нужно] претерпевать, если оно повелевает что-либо претерпевать, со спокойствием—

будь это физическое наказание или тюрьма, пошлет ли оно на войну, на раны, на смерть, — все это нужно исполнять; и что все это справедливо, и что не следует уступать врагу, бежать от него, бросать свой строй; но что и на войне, и на суде, и повсюду должно исполнять то, что государство и отечество прикажет; или же нужно вразумлять его там, где этого требует справедливость; применять же насилие над матерью или отцом, нечестиво — тем в значительно большей степени это нечестиво в отношении к отечеству“? Что скажем мы на это Критон? Правду говорят законы, или нет?

Критон. По моему, правду.

13

Сократ. „Вот и рассмотри, Сократ“, скажут, пожалуй, законы: „правду ли мы говорим, что ты собираешься теперь поступить с нами несправедливо. В самом деле: мы тебя породили, выкормили, воспитали, наделили тебя и всех прочих граждан всем прекрасным, чем способны были наделить; и вместе с тем, мы, ведь, всякому желающему из афинян, после того как он подвергся докимасии¹¹ и познакомился с государственными делами и с нами, законами, предоставляем возможность поступить таким образом: кому мы не нравимся, тот может взять свое имущество, и уйти, куда ему угодно. И ни один из нас, законов, не препятствует и не запрещает желающему из вас отправиться в колонию, если мы и государство ему не нравимся; и если он хочет переселиться куда-либо в другое место, он может идти туда, куда ему угодно, взяв свое имущество. О том же, кто из вас останется, видя, как мы судим в наших судах, как мы во всем прочем управляем государством, о том, мы уже говорим, что он заключил с нами соглашение на деле исполнять все то, что мы приказываем; и о том, кто нам не повинуетя, мы говорим, что он тройне поступает несправедливо: он не повинуетя нам, своим родителям; не повинуетя нам, своим воспитателям; он, заключив с нами соглашение, что будет повиноваться нам, не повинуетя и не вразумляет нас, если в чем мы поступаем нехорошо. Хотя

52 мы и предлагаем, а не грубо приказываем исполнять то, что мы приказываем, но предоставляем ему на выбор одно из двух, — либо вразумлять нас, либо исполнять наши приказания, он не делает ни того ни другого“.

14

„Таким-то обвинениям“, утверждаем мы: „и ты, Сократ, будешь подлежать, если сделаешь то, что замышляешь, и притом именно ты не меньше, чем все афиняне, а больше“. А если бы я сказал: „Да почему же“?, законы, пожалуй, справедливо бы заметили мне, стали указывать на меня, заметив, что из всех афинян по преимуществу именно я вступил с ними в такое соглашение. Они сказали бы так: „Сократ, у нас есть веское
B доказательство того, что тебе нравились и мы, и государство. Ты никогда из всех прочих афинян не предпочел бы быть в нем, если бы оно тебе предпочтительно не нравилось. Ты ни разу не выходил за пределы государства на феорию [один только раз на Истм]¹², ни куда-либо в другое место, за исключением только того, что участвовал в походах. Ты никогда, подобно прочим людям, никуда не отлучался; не овладевало тобою желание узнать другое государство, другие законы; нас и нашего государства
C было достаточно для тебя. Так сильно ты нас предпочитал и согласен был жить под нашим управлением. Между прочим, ты и детьми обзавелся в нашем государстве, так как оно тебе нравилось. Сверх того, если бы ты хотел, ты еще во время самого процесса мог назначить себе наказанием изгнание, и сделал бы тогда, с согласия государства, то, что собираешься теперь сделать против его согласия. Ты же тогда рисовался и не негодовал на то, что тебе придется умереть, но предпочел, как ты утверждал, смерть изгнанию¹³. А теперь ты ни тех своих речей не стыдишься, ни на нас, на законы, не зриаешь и собираешься их уничтожить,
D поступаешь так, как поступил бы самый негодный раб, собираясь бежать вопреки договору и соглашению, на основании которого ты обязался жить под нашим управлением. Итак, прежде всего, отвечай нам вот на что: правду ли мы говорим, или неправду, утверждая, что ты согласился жить под нашим управлением не

на словах, а на деле“. Что скажем мы на это, Критон? Иное что, или согласимся?

Критон. Неизбежно согласимся, Сократ.

Сократ. „В таком случае“, скажут законы: „ты преступаешь договор и соглашение с нами, заключенные тобою не по принуждению, не обманным путем, быв вынужден принять решение не в короткй срок, но в течение семидесяти лет, пока тебе можно было уйти, если бы мы тебе не нравились и если бы соглашение казалось тебе несправедливым. Ты же не отдал предпочтение ни Лакедемону, ни Криту, о которых ты постоянно утверждаешь, что они управляются хорошими законами, ни какому другому из эллинских или варварских городов, но отлучался отсюда реже, чем отлучаются хромые, слепые и прочие калеки. Так, предпочтительно из всех прочих афинян, государство и мы, законы, тебе нравились. И ясно, почему это: кому понравится государство без законов? Что же, теперь - то ты не останешься при заключенном с нами соглашении? Повиновался бы ты нам, Сократ, и не ставил бы себя на посмешище своим удалением из государства“!

15

„Рассмотри и то: преступив все это и погрешая в чем-либо из этого, чего хорошего достигнешь ты для себя, или для своих близких! Что твои близкие подвергнутся опасности самим попасть в изгнание, лишиться государства, или же потерять свое имущество, это почти что ясно. А сам-то ты! Прежде всего, если ты отправишься в один из ближайших городов, в Фивы или Мегары — оба эти города управляются хорошими законами, — ты, Сократ, явишься врагом их государственному строю, и те, кто печется о своем государстве, будут косо смотреть на тебя, считая тебя разрушителем законов, и ты утвердишь за своими судьями славу, что они, вынесли тебе, повидимому, правильный приговор. Ведь всякий разрушитель законов очень легко может показаться развратителем молодежи и людей неразумных. Но, может быть, ты будешь избегать государств, управляемых хорошими законами, и наиболее благопристойных? В таком случае, стóит

ли тебе сохранять свою жизнь? Или ты сойдешься с этими людьми и не постыдишься вступить с ними в беседы? В какие беседы, Сократ? Не в те ли, которые ты обыкновенно вел здесь: что добродетель и справедливость, законное и законы — дороже всего для людей? Неужели ты не думаешь, что это не к лицу Сократа? Надо полагать, [что не к лицу]. Но, [допустим], ты ушел бы подалее от этих мест, прибыл бы в Фессалию, к хорошим знакомым Критона? Ведь там, в Фессалии, беспорядок и распушенность величайшие, и может быть, там с удовольствием стали бы слушать, как смешно, что ты убежал из тюрьмы, как-нибудь перерядившись, захватив с собою козлиную шкуру или что-либо другое, во что обыкновенно переряживаются те, кто убегает, и изменив свой внешний вид. А то, что ты — старик, которому, как то и естественно, осталось недолго жить, осмелился так цепляться за жизнь, преступивши величайшие законы, этого тебе никто не скажет? Может быть, если ты никого не заденешь; в противном случае, Сократ, ты услышишь о себе много того, чего ты и не заслужил. И придется тебе жить, подлаживаясь ко всяким людям и быть в рабстве у них! Да и что тебе делать в Фессалии? Разве только что сладко есть да пить, как будто ты на званый обед переселился в Фессалию? А беседы о справедливости и прочих добродетелях? 54 Что с ними станется?

Но, разумеется, ты желаешь жить ради детей? хочешь их вскормить и воспитать? Хорошо! Уведя их с собою в Фессалию, ты их вскормишь и воспитаешь, сделав их иноземцами, чтобы они и этого попробовали? Или же дети, воспитываемые здесь, не получают лучшее воспитание и образование, хотя тебя, сохранившего жизнь, и не будет с ними? Ведь твои близкие позаботятся о них. Неужели же, если ты переселишься в Фессалию, они позаботятся, а если переселишься в Преисподнюю, не позаботятся? 55 Надо полагать, [что позаботятся], если есть какой прок от тех, кто тебе говорит, что они твои близкие.

Нет, Сократ, послушайся ты нас, твоих кормильцев, не ставь выше справедливости ни детей, ни своей жизни, ни чего другого!

Тогда, придя в Преисподнюю, ты можешь во всем оправдаться пред тамошними правителями. Ведь если ты сделаешь [то, что собираешься, сделать], то ни здесь не окажется это лучшим, более справедливым, благочестивым ни для тебя, ни для кого-либо из твоих, да и там, не будет, когда ты туда придешь, чем если ты теперь уйдешь, подвергшись несправедливости не от нас, законов, а от людей. Если же ты уйдешь, столь постыдно воздав за несправедливость и за тебе причиненное зло, преступив свои соглашения и договоры с нами, зло поступишь с теми, с кем это менее всего следовало — с самим собою, с друзьями, с отечеством, с нами, мы будем на тебя гневаться, пока ты жив; да и там, наши братья, законы Преисподней, неблагоклонно тебя примут, узнав, что ты и нас собирався погубить, насколько это от тебя зависит. И пусть не убедит тебя Критон, поступать так, как он говорит, более чем убеждаем тебя мы“.

17

Будь уверен, дорогой Критон, что мне кажется, будто я слышу эти речи, все равно как корибантствующим кажется, будто они слышат флейты¹⁴. И от этих то слов звон стоит у меня в ушах и не дает мне слушать ничего другого. Знай — так мне теперь кажется,—если ты будешь говорить против этого, то понапрасну ты будешь говорить. Впрочем, если думаешь достигнуть чего-либо большего, говори!

Критон. Нет, Сократ, нечего мне говорить.

Сократ. Следовательно, Критон, оставь это, и поступим так, как бог указывает.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ (43 D). См. ниже, начало „Федона“.
- ² (43 D). Суний — мыс на юго-восточной оконечности Аттики, мимо которого должен был пройти корабль, возвращавшийся с Делоса.
- ³ (44 A). См. выше, 87, прим. 46.
- ⁴ (44 B). Илиада, IX, 363.
- ⁵ (45 B). О Симмии и Кебете см. введение к „Федону“.
- ⁶ (46 B). Ср. „Апологию Сократа“, гл. 27 (37 C—D).
- ⁷ (47 B). Педотриб — директор палестры для гимнастических упражнений.
- ⁸ (50 B). В Афинах в защиту того закона, который предлагал кто-либо отменить, назначался официальный адвокат.
- ⁹ (50 C). Обычный метод диалектики Сократа.
- ¹⁰ (50 E). „Мусическое“ воспитание — то воспитание, которое находится под покровительством Муз, т. е. воспитание духовное, в противоположность воспитанию гимнастическому — физическому.
- ¹¹ (51 D). Докимасия — испытание, или проверка гражданских прав всякого афинянина, достигшего 18-летнего возраста, когда начиналось гражданское совершеннолетие.
- ¹² (52 B). Феория — торжественное посольство, отправляемое государством для выполнения тех или иных религиозных церемоний, напр., чтобы спросить оракул, участвовать в обще-национальных празднествах. В данном месте „Критона“, вероятно, имеются в виду эти последние. Слова, поставленные в скобках, может быть, к первоначальному тексту не принадлежат.
- ¹³ (52 C). См. „Апологию Сократа“, гл. 25.
- ¹⁴ (54 D) „Корибантствующие“ — жрецы фригийской богини Великой Матери (Кибелы, Рей), справлявшие культ ее в диком исступлении, под звуки музыки. Из слов Сократа можно заключать, что участники этого культа и в обыкновенное время страдали как бы галлюцинациями слуховых ощущений, испытанных ими во время справления обрядов культа.
-